

ЗВЕЗДЫ

Виктор КОЛУПАЕВ

Рисунок В. Меринова

Фантастический рассказ

Зал Большой Арены, вмещающий двадцать тысяч человек, сегодня был заполнен до отказа. Черные, с серебряными блестками, плащи инженеров, золотистые накидки женщин, голубые куртки космолетчиков. Строгие фраки высших чиновников, белые, с едва заметным синеватым отливом, костюмы врачей, коричневые рубашки техников, разноцветные платья девушек... Шум и смех, тонкое позванивание бокалов с шампанским, ослепительные вспышки драгоценных камней на пальцах и запястьях женщин, свет прожекторов, музыка невидимого оркестра...

Телетехники обводили своими камерами все двенадцать ярусов зала. Бой «гладиаторов» должен был транслироваться по всей планете. Тринадцать миллиардов человек прильнут к экранам и после каждого раунда будут нажимать кнопки голосования, таким образом выбирая победителя.

Каждую неделю по субботам планета замирала перед стереозкранами.

Сотни мальчишек в стандартной фиолетовой униформе носились по проходам, в фойе, буфетах, ложах, ярусах, продавая толстые, отпечатанные на мелованной бумаге с золотым обрезом программы. В них можно было увидеть портреты сегодняшних «гладиаторов», прочесть их биографии или высказывания специалистов о шансах каждого на победу. Победа означала многое. Признание общества, возвращение в него. А поражение вело к изгнанию, часто и к смерти, если нервы у зрителей взвинчивались и они поднимали руки с повернутым вниз большим пальцем. Ведь «гладиаторы» были вне закона. Это были люди, преступившие закон, бросившие вызов столетним традициям планеты. Мужчина и женщина. Схватка всегда проводилась между мужчиной и женщиной. Иногда все кончалось в первом раунде, к явному разочарованию зрителей, иногда длилось десять и более раундов...

Во втором ярусе, в ложе космолетчиков, чувствовалась плохо скрываемая подавленность, даже какая-то растерянность. Один из космолетчиков, Бегин, подкинув в руке программу, сказал, ни к кому не обращаясь:

— Торн влип в неприятную историю...

— Он вообще последнее время был каким-то ненормальным. В тот день просидел в баре два часа и не выпил ни капли, — отозвался Вискинд, сидевший рядом.

— Он всегда пил мало.

— Да. Но в последнее время все-таки прикладывался... Только ведь его не поймешь, пьян он или нет. Молчит, как в рот воды набрал. Даже я видел, что с ним творится неладное. А Охотников не проведешь... Вот и влип парень!

— Без Торна в преисподнюю нам не прорваться.

— Это уж точно...

— Да ничего с ним не случится, — уверенно произнес Биви, тщательно изучавший портрет женщины с огненно-рыжей прической. — Ну, придется ему покаяться. Будет некоторое время чувствовать себя побитым щенком... Но ведь мы-то ему об этом не напомним! Торн — мировой парень. Правду я говорю?

— Все правильно! Выйдем на круговую, и он сам успокоится! — загалдели космолетчики.

Все они были мускулистыми крепкими парнями. У всех короткие прически ежиком, рыжие, черные, светлые. Голубые куртки со светящимися змейками на левой стороне груди...

— И что с ним произошло? — со вздохом сказал Бегин. — Перед самым отлетом взять и нарушить закон! Всего семь дней оставалось. Вышли бы на круговую, пиши, что хочешь.

— А как ты находишь эту женщину? — спросил Вискинд у Биви.

— Тьфу! — сплюнул тот. — Из-за нее все и началось. А ты спрашиваешь, как я ее нахожу. Да никак я ее не нахожу! Я сказал бы и покрепче, да...

— Торн должен вывернуться, если он любит наше дело, — сказал Бегин, снова ни к кому не обращаясь.

— Хорошо бы, — ответил кто-то...

Внизу, на круговом возвышении у самой Арены, удобно откинувшись в креслах, разместились мужчины и женщины, мужья и жены «гладиаторов». Телеоператоры часто останавливали свои камеры на их лицах. Все должны видеть их спокойствие, их решимость выполнить свой долг.

Одно из кресел занимал Оверкранц, шеф Охотников. На лице у него действительно было каменное спокойствие. Рядом сидела красивая высокая женщина с пахитоской, небрежно зажатой двумя пальцами.

— Оверкранц, у вас не дрогнет рука? — смеясь, спросила она соседа.

— О, Ульма, рука у меня не дрогнет! Но я на-

деню, что до этого дело не дойдет,— с поклоном ответил Оверкранц.

— А если все-таки дойдет?

— Я стреляю без промаха. С такого расстояния я не промахнусь.

— Они будут сидеть в центре, это около двадцати метров...

— Пустяки, гораздо ближе!

— Если он не сдастся в первом раунде, я влеплю ему пулю в лоб,— улыбаясь, сказала Ульма.

— Я очень сожалею, что в пистолете всего один патрон,— сказал Оверкранц.

Ульма весело рассмеялась.

— Оверкранц,— вдруг раздалось рядом,— кто бы мог подумать, что шеф Охотников будет сидеть в этом кресле?

Оверкранц обернулся. Рядом с креслом стоял, согнувшись в подобострастном поклоне, начальник отдела Охотников-операторов.

— Зато вы, Пикс, никогда не будете сидеть здесь,— ответил Оверкранц.— Это уж я знаю точно.

— Польщен вашим доверием,— улыбнулся Пикс, и в его улыбке было превосходство стрелка, держащего зверя на мушке.

— Вы отлично знаете свое дело,— устало кивнул Оверкранц.

— Слушаю, шеф.— Пикс, пятясь, отошел в сторону.

На середину ярко освещенного круга вышел Главный Администратор Большой Арены. Шаг его был тверд и уверен. Сотни раз уже выходил он под свет прожекторов. Золотой с черным плащ его развевался, как на сильном ветру; работали специальные вентиляторы. Казалось, идет вестник Высшего Суда, чтобы объявить людям свою волю.

Все притихли.

Главный Администратор поклонился зрителям и произнес:

— На арену вызывается первая пара— космолетчик Торн и Миррей Оверкранц. В дальнейшем первый именуется просто Торном, а вторая— Миррей. Торн обвиняется в любви к женщине, в любви к Миррей. В письменном столе Торна было найдено его письмо к Миррей. Это письмо было любезно передано в отдел Охотников-операторов женой Торна Ульмой. Торн уже давно находится под подозрением Охотников. И теперь его вина доказана. Миррей, жена шефа Охотников, находится вне подозрений. Надеюсь, что бой будет ярким, но, к сожалению, коротким... Итак, Торн— Миррей!

Торн был высок и строен. Сорок лет жизни посеребрили его виски: Но горячий взгляд выдавал в нем почти юношу. Лицо его было гордо и спокойно, оно говорило, что Торну все равно, как с ним поступят, он ни под каким предлогом не отступится от своих убеждений... Вид Торна настроил команду в ложе космолетчиков. Ведь накануне тяжелого и ответственного полета они могли лишиться своего командира. Торн даже здесь был в своей голубой форме. Он спокойно прошел к своему креслу и сел в него.

Миррей вышла с покрасневшим от смущения перед этой многочисленной толпой лицом. Она знала, что для нее это только пустая формальность. Она не чувствовала за собой никакой вины. Этого космолетчика она видела только на обложках журналов да в газетах, если они к ней случайно попадали, и была раздосадована тем, что по его вине теперь будет сидеть здесь, а жадные до зрелищ глаза будут разглядывать ее. Волнение и досада ее были заметны, хотя она и старалась скрывать их. Закутавшись в золотистую накидку, сложив руки на

груди, Миррей быстрым шагом прошла к креслу, стоящему напротив кресла Торна. Здесь она скользнула по его лицу быстрым взглядом. Кровь предков, воспитывавшихся в духе отвращения к любви между женщиной и мужчиной, не позволила ей увидеть в нем что-либо другое, кроме исполнителя обязанностей космолетчика.

Оверкранц вдруг подумал, что это конец. Он хорошо знал Торна и сейчас даже завидовал ему.

Главный Администратор встал между Торном и Миррей и, обратившись к космолетчику, сказал:

— Торн, вы обвиняетесь в любви к женщине, которая сейчас сидит напротив вас.

Зал зловеще загудел.

— Будете ли вы отрицать предъявленное вам обвинение?

— Нет,— ответил Торн.

Это уже было необычно. Человек без раздумий, без колебаний сам себе подписывал смертный приговор...

Ульма наклонилась к Оверкранцу и зло прошептала:

— Я не зря взяла несколько уроков стрельбы из пистолета. Знаете, у меня получается очень хорошо...

— Вы сможете убить его?— спросил Оверкранц.

— Но я ведь просто обязана это сделать!

— Только не спешите,— умоляюще произнес шеф Охотников.

Многие ожидали, что Торн начнет запираяться, отводить от себя подозрения, словом, как-то выкручиваться. Странно было бы, если человек из-за любви к женщине решил бы расстаться с жизнью. Конечно, его вина все равно будет доказана. В этом мало кто сомневался. Но вести дело к развязке с такой быстротой? Разочарование могло только усилить гнев толпы. Ведь все ждали Зрелища.

— Нет,— повторил Торн.

— Если вы не отрицаете предъявленное вам обвинение,— сказал Главный Администратор,— то, следовательно, вы признаете себя виновным. Подумайте.

— Я не признаю себя виновным,— твердо произнес Торн.

Зал повеселел. Нет, этот Торн не хочет умирать! Все-таки он начнет изворачиваться, хотя и не отрицает обвинения...

— Если вы признаете, что любите эту женщину,— Главный Администратор показал рукой на жену Оверкранца,— то тем самым вы признаете свою вину. Логическая связка здесь очень проста. Второе, как следствие, вытекает из первого.

— Нет,— сказал Торн.— Любовь не является преступлением. Я люблю эту женщину, но я не вижу в этом преступления. В этом нет никакой вины. В этом— счастье.

— В ваших словах нет логики. Но мы еще вернемся к этому... Миррей, жена нашего великого Оверкранца, сидит здесь, на Арене, где сидят обычно преступники и, много режет, их жертвы. Понимаете ли вы, на какой позор вы выставили женщину?

— В моей любви к ней нет ничего позорного. — Так ли это? Спросим у нее самой. Миррей, скажите, пожалуйста, как вы себя чувствуете сейчас?

— Боже, как мне стыдно...— прошептала женщина. Ее шепот, усиленный микрофонами, услышали все.

Ей действительно было стыдно. Стыдно сидеть здесь и чувствовать, как тебя разглядывают, как со злорадством думают: а не было ли еще чего-нибудь такого, что не смогли обнаружить Охотники?.. Сна-

чала она надеялась, что Торн сразу же признает свою вину. Ее тут же отпустили бы. Она уже не сидела бы посреди этого ярко освещенного круга... Теперь, когда представление грозило затянуться, Миррей почувствовала ненависть к этому человеку. Это чувство поднялось в ее душе внезапно и даже испугало Миррей. Она привыкла к тихим, не встряхивающим душу чувствам. Ненависть, как и любовь, была неведома ей. И если раньше Миррей была готова просить о помиловании своего обидчика, к чему вряд ли прислушались бы, то теперь она желала его смерти. Ведь потом придут тишина и спокойствие.

— Вот видите,— мягко сказал Главный Администратор, обращаясь к Торну.— Вы причинили женщине боль. Ей стыдно, ей неприятна ваша любовь.

— Она не говорила этого!— почти выкрикнул Торн.

— Она сказала: «Боже, как мне стыдно»,— настойчиво повторил Главный Администратор.— Разве вы этого не слышали?

— Мне тоже стыдно,— сказал Торн.

Что-то похожее на досаду, на легкое разочарование промелькнуло в душе Миррей. Но тут же мысли ее вернулись в прежнее русло. Может, он струсил, и тогда все кончится быстро?

— Мне тоже стыдно,— повторил Торн.— Только не своей любви, а того, что вы выставили ее на посмешище.

— Сотни поколений считали необходимым выставить позорное на посмешище! Это помогло нашей цивилизации выжить, избежать хаоса и беспорядков. Любовь к женщине всегда считалась смертным грехом.

— Нет! Ведь есть же стихи о любви и звездах! Они запрещены, но они распространяются в рукописях.

— Звезды? Что это значит?

— Звезды— это то, к чему мы всегда стремимся.

— Мы стремимся только к порядку! Но мы отвлеклись... Значит, вы слышали, что этой женщине стыдно?

— Да, слышал. Ей стыдно сидеть здесь. Не моей любви, а того, что она сидит здесь.

— Это очень ответственное заявление. Оно заставляет предположить, что Миррей тоже может испытывать к вам чувство любви... Подумайте. Пока обвиняемым являетесь только вы. Но если вы будете упорствовать, то вполне возможно, что обвинение придется предъявить и ей.

— В каждом человеке заложено желание любить кого-то.

— Вы отказываетесь от своих слов?

— Я уверен, что эта женщина не испытывает ко мне любви. Но стыдится она не моей любви, а того, что сидит здесь.

— Хорошо, что вы отвели подозрение от Миррей. В ее благонадежности у нас не было повода сомневаться.

Миррей испугалась, когда Главный Администратор начал расставлять ловушки, в которые она могла попасть только потому, что этот космолетчик окончательно потерял голову. Но он вовремя спохватился. И теперь она была ему благодарна. Чуть-чуть, совсем немного. Она даже осмелилась взглянуть ему в глаза и увидела там тоску и еще что-то, чего не смогла понять. Он сам отвел взгляд. И ненависть ее к нему начала пропадать, уступая место грустной жалости. Зачем только он впутался в эту историю? И ее затянул... Однако сейчас она чувствовала себя спокойнее, потому что было ясно— все это скоро

кончится. Может быть, ей все-таки попросить о смягчении наказания, которое ему вынесут? Нет, пожалуй, это бросит на нее некоторую тень...

— Вы признаете, что любите эту женщину,— снова начал Главный Администратор,— и в то же время не признаете себя виновным. Если вы стремитесь оттянуть развязку, то ведь общество, на основании ваших слов, на основании показаний свидетелей и донесений Охотников, все равно признает вас виновным. На что вы надеетесь?

— Пусть общество признает меня виновным. Сам я этого не могу признать.

— Хорошо. Тогда прямой ответ на вопрос. Вы любите эту женщину, жену великого Оверкранца, которую зовут Миррей?

— Я люблю эту женщину! Я люблю Миррей.

Зал загремел выкриками и топотом ног. Торн, пожалуй, впервые за все это время обвел зал взглядом. Тысячи рук, вытянутых вперед с опущенным вниз большим пальцем, ясно говорили, что все считают его виновным. Ульма имеет полное право выстрелить в него... Его взгляд остановился на ложе космолетчиков. Там было тихо. Он разглядел лица своих друзей, с которыми он должен был через несколько дней стартовать, чтобы пробыть в преисподнюю. Никто из них не повернул большой палец руки вниз. Он знал, что они не оправдывают его. В их глазах он все равно был виновен. Но они не могут без своего командира, они жалеют его, они еще ждут, что он покается и попросит, чтобы ему снизили меру наказания. В полете нет Охотников, в полете нет женщин. Пусть он там пишет свои письма. Уж они-то постараются, чтобы эти письма никто не увидел, ни эта женщина, ни Охотники.

Торн вдруг пожалел, что не раскрыл им свою тайну, которую еще никто не знал, потому что все боялись ее узнать. Если он сейчас умрет, никто ее не узнает. Может быть, когда-нибудь кто-нибудь из них наткнется на нее снова. Но не струсит ли тот человек? Нет, не струсит, если только он, Торн, сейчас не струсит. И он чуть-чуть покачал головой. Космолетчики поняли, им придется лететь без своего командира...

Ульма ждала разрешения, чтобы выстрелить. Оверкранц подвинулся к ней поближе. Лицо его было спокойно и бледно. Он сказал:

— Ульма, отпустите его. Он уйдет в космос и, возможно, не вернется никогда.

— Нет! Ни за что! А вы? Вы! Ведь он опозорил вашу жену. И вы еще молитесь за него просить?

— Он хороший космолетчик. Только из-за этого, Ульма. У нас мало таких осталось. Корабли часто не возвращаются.

— Нет! Он получит свое.

— Миррей решительная женщина,— усмехнулся Оверкранц.

Зал ревел. За прозрачным куполом Арены стояла непроглядная чернота.

— Миррей,— сказал Главный Администратор,— чисто формальный вопрос к вам. Вы знаете этого человека?

— Только по его портретам в журналах и газетах.

— Вы любите его?

— Нет.

— Торн, у вас еще есть возможность просить о помиловании.

— Я не чувствую за собой вины. Я люблю ее. И я не буду просить о помиловании.

— Миррей,— снова обратился к ней Главный Администратор.— Вы можете быть свободны.

Она встала. Она снова взглянула ему в глаза.

И он не отвел их. Что-то такое было в его взгляде, словно он жалел ее и прощал. Но ведь только что она сама в душе пожалела и простила его. Однако у него в глазах это было совсем по-другому. Он словно отдавал ей все и жалел ее, потому что она ничего не может взять, потому что она ничего не видит. Космолетчик был горд и не боялся смерти. Чтобы любить ее, издали, ни словом не обмолвись об этом, он готов был умереть. Он был готов умереть, но не отказался от своей любви к ней!.. Миррей и раньше бывала здесь, в зале Большой Арены, правда, в качестве зрителя. Она видела, как другие молили о пощаде или отказывались от своей любви, впадая в истерику. На это было неприятно смотреть, противно. И она никогда не жалела тех людей. А этот космолетчик жалел ее. Жалел, что его уже не будет, а она все еще будет жить. Все еще будет по вечерам кутаться в золотистую накидку и смотреть в окно, за которым всегда непроглядная темнота. Оверкранц, как и подобает идеальному мужу, всегда будет почтительно холодным, чопорным и понятным до последних мелочей... Миррей знала, что взгляд космолетчика будет теперь преследовать ее. Она растерялась и отказывалась что-либо понимать.

Миррей повернулась. Нужно уйти, иначе что-то произойдет. Она сделала шаг.

— Миррей, я люблю тебя!— крикнул Торн, вставая.

Она остановилась. Она не могла заставить себя уйти. Она оглянулась.

— Но почему, почему?

Это были первые слова, сказанные ими друг другу. Торн стоял с улыбкой на губах, радостный и сильный. И его радость, непонятная, но искренняя, словно он подарил ей целый мир, который она так хотела иметь, заставила Миррей на мгновение забыть этот зал. Все в ней потянулось к нему, как травинка к солнцу. Странное чувство, но испытанное еще ею никогда ранее, охватило сердце. Она забыла, что несколько минут назад проклинала его, а потом жалела. Ей захотелось прижаться к его груди, дотронуться до его лица руками, прильнуть к нему и не обращать внимания на все, что о ней будет говорить.

Она сделала маленький шаг вперед. Не замечая этого, сдержала с себя золотистую накидку, смяла в руках и прижала к груди. Голые ее плечи заблестели коричневой кожей на потеху толпе. Зал визжал от восторга, но она не слышала этого. Она видела только его. И его радость, неизвестно как, начала передаваться ей. И она неожиданно для всех улынулась ему.

— Миррей!— крикнул Главный Администратор.— Вы свободны! Вы можете уйти! Вам лучше уйти отсюда!

Но она не слышала этого голоса. Что-то не известное ей знал этот космолетчик, что-то такое, что притягивало ее к нему.

— Что произошло с вашей женой?— нервничая, спросила Ульма у Оверкранца.— Почему она не уходит?

— Ах, Ульма, это совершенные пустяки... Хотите, я отвезу вас домой?

— Домой? Сейчас?!.. Как бы не так!

Оверкранц видел больше, чем все остальные. Все наблюдали только внешнюю сторону происходящего. Но он знал много больше, ведь он был шефом Охотников. Сотни преступлений, заключавшихся в том, что Он и Она любили друг друга, прошли перед его глазами. Да, Оверкранц знал, что такое любовь. И поступки этих людей, необъяснимые

для всех других, были для него понятны. Он видел и внезапное смятение Миррей, и силу Торна. Он понимал их обоих.

Космолетчик знал, что эта женщина никогда не видела его. Ну, может, мельком, в толпе, на маскараде, в огромном магазине. Так видишь сотни тысяч людей за свою жизнь, не обращая на них внимания... Ни за что на свете он не захотел бы, чтобы Миррей оказалась здесь. Он написал ей одно-единственное письмо, но не успел отправить. Он должен был отправить его и уйти в полет. На этот раз они прорвались бы в преисподнюю, и он уже не вернулся бы назад, притом что ничто не удерживало его здесь. Но хитроумная Ульма нашла его письмо, и вот он и Миррей здесь. Торн был уверен, что эта женщина, видящая его впервые, спокойно отметит от себя все подозрения и уйдет с Арены под грохот аплодисментов. А он останется здесь. Но он умрет не трусливой смертью. Он умрет гордо, он покажет всем, как можно умереть за любовь. А вдруг у него найдутся последователи? Конечно, найдутся! Ведь Арена редко бывает пустой. Он и сам чей-то последователь. Он лишь маленькое звено в цепи событий, которые должны привести людей к свету и счастью. Торну не нужно было заставлять вести себя так, а не иначе. Сердце подсказывало ему его поступки. А сознание было согласно с сердцем. И когда он крикнул: «Я люблю тебя, Миррей!»— он считал, что это последнее, что он успеет сделать. Для него было полнейшей неожиданностью, когда она остановилась и спросила, почти крикнула: «Но почему?»

Почему? Разве он знал это? Разве это можно знать? Потому что она — Миррей. Красота? Конечно. Миррей была красива. Темно-рыжие волосы падали сверкающим каскадом ей на плечи. И лицо... У нее было красивое лицо, узкое, с высоким лбом и раскосыми миндалевидными глазами. Но ведь он видел много женщин, красота которых была более совершенной, и ни одна из них — в том числе и Ульма — не тронула его сердца... Нет, он не знал, почему любит именно ее, Миррей, ничем не выделяющуюся среди других женщин.

Когда он возвращался из очередного полета, то всегда искал встреч с нею. Встречи эти были односторонними. Только он знал, что сегодня будет встреча. Он появлялся там, где должна была появиться Миррей, и смотрел на нее, слушал, что она говорит. Он знал ее хорошо. Миррей даже и не подозревала, как хорошо он знал ее.

— Миррей, я люблю тебя просто потому, что ты существуешь...

Она сделала еще шаг. Какие у нее глаза. Слово он видит ее всю насквозь. Слово он всю ее знает. И столько силы в этих глазах, не грубой, тупой, а умной и доброй силой!..

Главный Администратор не знал, что ему делать. Спектакль становился интересным. Администратора наверняка ожидала бы похвала, если бы не тот факт, что женщина была женой Оверкранца. Оверкранц не простит ему, если хоть малейшая тень упадет на Миррей.

— Миррей, я должен предупредить вас, что в основе любви лежит звериный инстинкт размножения. Человек не может позволить себе опуститься до уровня зверя... Миррей, вы должны уйти. Вы уже не нужны здесь больше.

— Нет, я хочу знать!...— Она легким движением руки остановила Главного Администратора.— Торн, ты любишь меня. Что это такое? Что ты чувствуешь?

— Миррей, тебе действительно лучше уйти! Уходи и знай, что тебя кто-то любит. Гордись тем,

что тебя любили. Уходи... Ты уже преступила черту, за которой тебе не простят твоего поведения.

— Мне сейчас показалось, что ты прижал меня к своей груди. Это и есть любовь?

— И это, Миррей. Я тысячи раз прижимал тебя к своей груди, только ты этого не замечала... И все же останись. Уйди. Не давай повода этой толпе смеяться над тобой.

— Но ты не боишься этого!

— Да, потому что любовь сильнее любой насмешки, любого издевательства. Ничего нет сильнее любви!

— Но я тоже хочу быть сильной! Меня уже не трогает, что скажут они про меня. Мне хочется слушать, что говоришь ты. Мне хочется знать о тебе все. Кто ты? Какой ты? Я вижу, что ты сильный и гордый. Ты не боишься их. Но ведь и я их не боюсь, хотя только что умирала от страха!

— Миррей, я жалею, что моя любовь привела тебя сюда.

— Что же могло заставить отважного космолетчика жалеть меня? Или ты только за собой оставляешь право быть гордым? Почему ты боишься, что я не уйду отсюда?

— Но ведь они расправятся и с тобой! Они не посмотрят, что ты жена Оверкранца. Эта сенсация нужна им, как воздух. Из-за своей любви к тебе я готов идти даже на смерть. Но что может тебя заставить идти на это?

— Любовь... Наверное, тоже...

Она подошла к нему почти вплотную. Он не сдвинулся с места, понимая, что теперь и она не уйдет отсюда.

— Торн... Что-то случилось со мной. Внезапно. Я всегда считала, что любовь — это позор. Но сейчас... Скажи мне что-нибудь. Мне хочется слушать тебя. Может быть, я начинаю понимать, что такое любовь?

— Нет, Миррей. Этого нельзя понять.

— Тогда я и не буду стараться понимать это. Я буду просто любить тебя, буду всегда с тобой.

— Миррей, это конец и для тебя...

— Не продолжай. Я сразу же разлюблю тебя, если ты будешь чего-нибудь бояться. Ты сильный и смелый. Ты гордый! Неужели ты их боишься? Вот видишь, я обнимаю тебя. Значит, я люблю тебя, да?

Она медленно-медленно подняла руки и обвила ими голову Торна. Золотистая накидка женщины упала на белый пластик пола. Торн вдруг схватил Миррей, прижал к себе, потом легко поднял на руки и повернулся на месте, оглядывая зал.

Зал безмолвствовал. От неожиданности. Они все через мгновение заорут, выбросив вперед руку с опущенным вниз большим пальцем. И это будет их приговор.

— Оверкранц,— зло сказала Ульма,— и это ваша жена? Чего же нам ждать от обычных смертных, если под носом у тех, кто охраняет нравственность общества, происходит такое? Оверкранц, мне вас жаль, я презираю вас!

Оверкранц сидел в кресле согнувшись, но в остальном ничем не показывал своих чувств. Казался лишь очень уставшим.

— Ульма, умоляю вас не опережать события!

— События?! Да разве вы не видите, что она хоть сейчас готова быть с ним, нисколько не заботясь, хорошее ли сочетание генов получится в потомстве! Ей наплевать на продолжение рода гениев и красавиц. Ей наплевать на наши законы!

— Да, Ульма. Она любит его. Я знаю.

— Знаете?! Вы знали это и раньше?

— Она должна была полюбить его.

— И вы это чувствовали?

— Я сам люблю ее, Ульма.

— Как? Вы тоже?!

В ложе космонавтов все напряглись. Их любимый командир делал глупость за глупостью. Но разве мог он делать глупости?

Бегин сказал:

— Торн всегда знал, что делал! Тут что-то не так. Пусть он даже виноват, я не буду опускать палец вниз. Торн уйдет с нами в поиск. Только бы эта кобылица, его жена, не всадила пулю ему в спину. Мы должны что-то сделать.

— За Торна я готов продать бога,— сказал Виксинд.— Я подниму палец вверх.

— Черт бы побрал вас всех и Торна в придачу,— буркнул Биви.— Я с вами, но только за компанию.

К ним подошли космолетчики других кораблей. — Этот Торн со своей красоткой что-то ковырнули в моей душе,— сказал один.— Я понимаю его. Я и в космолетчики ушел потому, что дело шло к тому, что случилось с ним. Я тоже любил одну девушку... Надо выручать Торна.

— Но ведь нас мало,— сказал Виксинд.

— Все космолетчики согласны на этот день забыть свои моральные принципы.

— Но даже всех космолетчиков — мало. Нас мало, понимаете?

— Ничего! Мы потребуем спокойного голосования. Может быть, удастся добиться для него пожизненного изгнания? Он будет согласен. Я знаю.

— Придется добиваться изгнания для двоих...

— Смотрите!— крикнул кто-то из космолетчиков.— Главный Администратор!

Главный Администратор понял, что неожиданно попал в неприятную ситуацию. Все-таки Миррей — жена высокопоставленного сановника... Но долг восторжествовал в нем перед раболепностью. Он громко сказал:

— Миррей, вам тоже предъявляется обвинение в преступлении!

И тут зал словно взорвался. Вытянутые вперед руки с опущенным вниз большим пальцем... Но среди людей уже не было полного единодушия. Ложа космолетчиков была против такого осуждения. Да и в других местах зала тоже находились протестующие. Кое-где возникли даже небольшие потасовки...

Торн осторожно опустил Миррей на пол. Она стояла, прижавшись к нему, и, казалось, не слышала, что творится вокруг. Торн поднял руку, призывая зал к тишине.

— Говори, Торн!— раздалось из ложи космолетчиков.

В зале постепенно затихли. Всем было интересно, что же еще может сказать этот безумец. Может, теперь попросит помилования? Если не для себя, то хотя бы для Миррей?

Торн заговорил:

— Я люблю эту женщину. И вы можете сделать с нами, что захотите. Но прежде я хотел рассказать вам, куда пробиваются космолетчики и почему все полеты оканчиваются неудачно...

Все вы с детства знаете легенду о том, что когда-то наше ночное небо было не таким, как сейчас. Когда-то было множество миров. Сейчас остался один наш. Во Вселенной существует только наша планета. И солнце, вокруг которого она вертится по своей вечной орбите... Легенда, которую вы знаете, выхолощена, перевернута с ног на голову. Сейчас в ней говорится, что все миры погибли, потому что мужчина и женщина, Солнце и наша

планета, полюбили друг друга. Но первоначальный текст говорил совсем обратное, он утверждал, что от их любви родилось бесчисленное множество других солнц и планет, рассыпавшихся по нашему небу. Когда-то люди видели их. Эти далекие солнца назывались звездами. Они светили на нашем небе по ночам, и люди, глядя на них, становились лучше и добрее. И человеческое общество не подчинилось тогда омертвляющей машинной логике, как сейчас. Люди создавали семьи по любви, а не по воле электронносчетной машины... Люди не могли днем жить без солнца. Люди не могли ночью жить без звезд.

Когда любовь стала считаться преступлением, когда дети стали рождаться не от великой любви между людьми, а потому, что так потребовала машина нашего общества, так требовал генетический подбор... Звезды стали гаснуть. Звезды исчезли. И осталась только одна наша планета в безбрежном море пространства и времени, одинокая и потому несчастная и обманутая. Наша цивилизация замкнулась в себе. Мы стоим на пороге вырождения. Это известно немногим, но это так. Никакие ухищрения не могут остановить большую смертность среди наших детей, хотя машина и заботится о благополучном, с ее точки зрения, сочетании генов. Наша наука и наша культура за последние сотни лет не продвинулись вперед ни на шаг. Мы еще живем, но по инерции, за счет того, что оставили нам предыдущие поколения.

И не случайно Высший Совет вот уже двести лет посылает корабли в преисподнюю, как теперь называют то, что когда-то было звездным небом. Нам нужны другие звезды и планеты.

Но мы никогда не увидим звезд, потому что в наших сердцах холод. Этот холод и страх не позволяют нам видеть звезды.

Я видел их. Для этого даже не нужно улетать в космос, нужно только поднять голову. Но сердце при этом должно быть полно любви к людям. И к детям, и к старикам, и к женщинам. Только любовь может повести нас к звездам! Для холодного сердца небо будет всегда черным.

Вы знаете, что некоторые корабли не возвращаются. Они не гибнут, нет. Они уходят к звездам, потому что их экипажи умеют любить. И, быть может, на некоторых звездах уже появились другие цивилизации, начало которым дали люди с нашей планеты. Когда-нибудь они вернутся назад. Только стыдно нам будет ждать их возвращения. Как прекрасно было бы пробыть к ним, потому что они могут и не захотеть вернуться сюда...

— Поднимите головы вверх!— воскликнул Торн.— Может быть, вы увидите звезды!

Тысячи людей устремили свои взоры в черноту неба. Но для многих оно так и осталось черным, несмотря на прозрачный пластик огромного купола.

— Торн,— тихо сказала Миррей.— Я вижу звезды. Это такие сверкающие алмазы?

— Да, Миррей, они похожи на алмазы,— ответил Торн и тоже посмотрел вверх. Он уже давно знал их и даже дал им названия. Самое красивое созвездие он назвал Миррей, что в переводе с древнего языка и означало — любовь. Только этого уже почти никто не знал.

— Он врёт!— крикнула Ульма со своего места.— Он врёт и должен умереть! Дайте мне знак, я хорошо научилась стрелять. Он никогда больше не увидит свои выдуманные звезды!

— Торна — к звездам!— кричали из ложи космонавтов.

И снова зал забушевал. И снова большинство опустило большой палец вниз.

— Стойте!— крикнул Оверкранц.— Ульма, жена Торна, высказала свое мнение. Я, Оверкранц, муж Миррей, тоже воспользуюсь своим правом слова. Все, что рассказал Торн,— правда! Звезды действительно существуют! Мы не сможем долго прожить без них. Пусть Торн и Миррей улетят к ним. Только пусть они когда-нибудь возвратятся.

— Ты, шеф Охотников!— крикнула Ульма.— И ты прощаешь их?! Что же будет с другими?

— Я не прощаю их. Они просто ни в чем не виноваты!

— Шеф,— прошипел сзади Пикс.— Я давно уже присматриваюсь к вам...

— Поздно, Пикс, поздно!

— Никогда не поздно, шеф...

Зал выслушал Оверкранца, и снова большинство опустило большие пальцы вниз.

— Я воспользуюсь последней возможностью,— сказал Оверкранц.

— Оверкранц!— крикнула Ульма.— Почему вы защищаете ее, которая вас опозорила? И почему вы утверждаете, что звезды существуют?

— Потому что я вижу их. Я каждый вечер смотрю на них. Ведь я люблю свою жену. Я люблю Миррей. Я всегда любил ее. Но только я всегда боялся это сказать. Я бы никогда не осмелился ей это сказать. Я всегда боялся... этой Арены... И оказался недостойным этой любви... Они должны улететь к звездам!

— Шеф!..— зловеще прошипел Пикс.

— Поздно, Пикс...

Оверкранц выстрелил себе в сердце.

И снова находящиеся в зале выбросили вперед руки. И, кажется, большинство из них — большим пальцем вверх...

Торн бросился к Оверкранцу.

А сверху — сквозь прозрачный купол — светили мириады миров, похожих на сверкающие алмазы. Сверху светили звезды...

НОВИНКИ НОВИНКИ НОВИНКИ НОВИНКИ НОВИНКИ НОВИНКИ НОВИНКИ НОВИНКИ НОВИНКИ НОВИНКИ

В МАРЕВЕ АТОЛЛА.
М., Изд-во «Мысль», 1973, 254 стр.

Центральное произведение сборника — повесть Георгия Гуревича «Здарг». Писатель показывает группу умных и талантливых творцов, попытавшихся отгородиться от реального мира, уйти от его житейских забот. Превратив управляемый астероид Астреллу в своеобразный космический «замок из слоновой кости», замкнувшись в себе, общество «избранных» с неумолимой неизбежностью приходит к краху.

В сборнике помещены также рассказы М. Васильева, Германа Чижевского, Владимира Михановского, Юрия Моисеева, старейшего нашего фантаста А. Р. Палая.

**Сергей ЖЕМАЙТИС
БАГРЯНАЯ ПЛАНЕТА.**
М., Изд-во «Молодая гвардия», 1973, 224 стр.

В повести рассказывается об экспедиции на Марс, об истории расцвета и гибели могущественной цивилизации, некогда существовавшей на этой загадочной планете. Участники полета на Марс — люди коммунистического будущего, мужественные, готовые прийти на помощь и друг другу, и иной цивилизации.

МИР «ИСКАТЕЛЯ»
М., Изд-во «Молодая гвардия», 1973, 464 стр.

«Искатель» — единственное у нас в стране издание, для которого фантастика и приключения стали основным делом. С 1961 года выходит это приложение к журналу «Вокруг света», и за прошедшие годы многие известные ныне произведения получили в его страницах путевку в жизнь. В разное время здесь

печатались такие популярные среди читателей фантасты, как Генрих Альтов, Дмитрий Биленкин, Илья Варшавский, Евгений Войскуцкий и Исая Лукьянов, Север, Гансовский, Анатолий Днепров и многие другие.

В сборник включены лучшие из опубликованных «Искателем» повестей и рассказов советских и зарубежных писателей.

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ
М., Изд-во «Детская литература», 1973, 448 стр.

Обитатели далекой планеты Шерра, выяснив наличие на Земле разумной жизни, приступают к следующему этапу исследований — разведке изнутри. Мозг землянина подвергнут воздействию, в результате которого он приобретает сознание, склад мышления и все психические свойства и особенности среднего жителя Шерры. Приключения Миши Стерженькова, оказавшегося объектом эксперимента, и составляют содержание новой повести Владимира Малова «Я — шерристянин».

В сборнике опубликованы также повести и рассказы Кирилла Булычева, Николая Томана, Евгения Гуляковского, Владимира Михановского, Альберта Валентинова.

НА СУШЕ И НА МОРЕ
М., Изд-во «Мысль», 1973, 621 стр.

Среди фантастических произведений, опубликованных в очередном, тринадцатом выпуске ежегодника, — рассказ Андрея Балабухи «Тема для диссертации».

...Человеческий мозг — самое странное из всего, что мы знаем. Возможности его феноменальны. Люди-счетчики, люди, обладающие феноменальной памятью... И при этом наш мозг загружен всего лишь на

несколько процентов своих потенциальных возможностей. А что, если наложить на нормальный мозг «исправленную» энцефалограмму? Что будет тогда? Каким станет этот человек, исправленный и гармоничный?

**Юрий НИКИТИН
ЧЕЛОВЕК, ИЗМЕНИВШИЙ
МИР**

М., Изд-во «Молодая гвардия», 1973, 176 стр.

Центральное место в первой книге молодого фантаста занимает повесть «Дороги звездные».

...Наступает резкое изменение климата, и старые, опытные рептилии спешат увести свою стаю в Лоно, где никогда не бывает чистого неба и солнечных лучей. Молодое поколение оказывается перед выбором — привычное, бездумное животное существование с единственным трудом — пожиранием болотной пищи — или незащищенная, полная острых тревог и бесконечного творческого напряжения жизнь в неизведанных новых условиях? Что выберет молодежь? И что должен выбрать земной разведчик, оказавшийся в этом чуждом для него мире?

**Сергей ПАВЛОВ
ЧЕРДАК ВСЕЛЕННОЙ**
Красноярск. Книжное изд-во, 1973, 160 стр.

В книге две повести — «Корона Солнца» и «Чердак Вселенной». Главное в них — романтика научного поиска, эмоциональный мир человека, оказавшегося в новой среде, столкнувшегося лицом к лицу с неведомым. Ведь победы человека над Пространством не даются легко.

НОВИНКИ НОВИНКИ НОВИНКИ НОВИНКИ НОВИНКИ НОВИНКИ НОВИНКИ НОВИНКИ